

А. Н. ЛАНИНА

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ С ЗООСЕМИЗМАМИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье описаны результаты семантического анализа устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами, характеризующих человека, в русском и немецком языках. Определены общие признаки и национальное своеобразие сравниваемых единиц в указанных языках, исследованы источники культурной мотивации эталонов сравнения.

Ключевые слова: семантический анализ, фразеологизм, устойчивый сравнительный оборот, зоосемизм, национально-культурная специфика.

Современный антропологический подход к языку как к уникальной человеческой способности определил новый взгляд на его сущность, проявившийся в отказе от подхода к языку только как к статичной знаковой системе. Лингвисты обращаются как к когнитивному, так и к деятельностно-динамическому аспекту языка, к вопросам его речевого функционирования, к психолингвистическим, лингвокультурологическим и прагматическим феноменам.

Устойчивые сравнительные обороты оказываются включёнными в новые парадигмы научного знания, поскольку в них, как и в других традиционно воспроизводимых единицах языка, не только концептуализированы «знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к её фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [14, с. 9].

Фактический материал показывает, что наряду с фразеологизмами, возникшими на основе метафорического переноса, релевантное место в анималистической фразеологии отводится устойчивым сравнительным оборотам.

Особенностью устойчивого сравнительного оборота является сохранение прямого значения его компонентами, которые не представляют семантического единства во фразеологическом смысле, их лексические значения не подвергаются десемантизации. Устойчивые сравнения (далее УС) обладают полной логической мотивированностью выраженных в них компаративных отношений, но одновременно с этим не теряют образности внутренней формы, лежащей в основе сигнификативного значения.

Русским и немцам известны в основном одни и те же виды животных, поэтому оказывается интересным проанализировать систему эталонов и стереотипов в сравниваемых языках, обнаружить ряд признаков, обуславливающих общность семасиологических явлений и процессов в появлении переносных значений, а также выявить различия в образовании национально-специфических приращённых смыслов. В связи с присущей людям привычкой наделять животных человеческими качествами (*хитрый как лиса, трусливый как заяц* и т. д.) в данной статье ставится цель определить, какова ассоциативно-символическая связь поведения того или иного животного с определёнными чертами характера, особенностями поведения человека в сознании русского и немца.

Сравнительно-сопоставительный анализ компаративных оборотов с зоосемизмами в русском и немецком языках показывает, что в сопоставляемых языковых картинах мира содержатся одинаковые знания об одних и тех же сторонах действительности. Это проявляется в существовании полных межъязыковых структурно-семантических эквивалентов, совпадающих по всем компонентам. В них содержатся знания о животном мире, полученные человеком в процессе жизнедеятельности и не противоречащие объективной действительности.

Ассоциативные связи, навеянные самой природой обозначаемого словом объекта и имеющие тот же онтологический статус, что и само обозначаемое, называют «ингерентными», или «однопорядковыми» со свойствами реалии, т. е. принадлежащими к тому же внеязыковому ряду, к которому относится обозначаемое слово [15, с. 228]. Ассоциативные признаки, лежащие в основе устойчивых сравнительных оборотов данной группы, нередко входят в номинативное значение при лексикографировании исходного слова в обоих языках. Рассмотрим следующие примеры: *яркий/пёстрый как попугай* [7, с. 42] — *bunt wie ein Parakei* [18] в значении 'очень пёстрый; ярко, безвкусно одетый'. В Большом толковом словаре современного русского языка читаем: «попугай — лесная птица тропических стран, обычно с *ярким и пёстрым оперением* (легко выучивающаяся путём подражания произносить слова)» [16, с. 746]. В немецком тол-

ковом словаре находим такое толкование: «Paragei, der — (in zahlreichen Arten vorkommender) bunt gefiederter tropischer Vogel mit kurzem, abwärts gebogenem Schnabel, der die Fähigkeit hat, Wörter nachzusprechen» [18] [(встречающаяся во многих видах) *нёстрая* пернатая тропическая птица с коротким, вниз изогнутым клювом, обладающая способностью повторять слова]; *петь как соловей* [7, с. 78; 10, с. 163] — *singen wie eine Nachtigall* [17; 18] в значении ‘очень красиво петь’, в русском языке: «соловей — птица из отряда воробьиных, с серым оперением, отличающаяся *необыкновенно красивым пением*» [16, с. 988] — в немецком: «Nachtigall, die — (bes. in Laubwäldern u. dichtem Gebüsch versteckt lebender) unscheinbar rötlich brauner Singvogel, dessen besonders nachts ertönder Gesang sehr melodisch klingt» [18] [(живущая в основном в лиственных лесах и густых кустарниках) невзрачная рыжевато-коричневая певчая птица, ночное *пение которой особенно мелодично звучит*].

Наблюдения человека за поведением животного, его физическим состоянием, внешним видом, а также отношениями между животными, которые легли в основу формирования компаративных конструкций, находят свои подтверждения в соответствующих энциклопедических источниках о жизни животных.

Рассмотрим следующие примеры: *сильный как медведь* [9, с. 243] — *stark wie ein Bär* [18; 2, с. 129; 1, с. 64; 17] в значении ‘очень сильный’. В энциклопедии животных Альфреда Брема читаем: «всего того, что лисица старается достигнуть умом, орёл — стремительностью, медведь добивается прямой, открытой силой [3, с. 1236]. Раз осмелившись, медведь подходит к хлевам, старается взломать дверь.... Необыкновенная сила позволяет ему даже уносить с собой больших животных» [3, с. 1247]; *плодиться как кролики* [9, с. 200] — *sich vermehren wie die Kaninchen* [17], то есть ‘интенсивно плодиться’, «если принять, что каждая самка рождает в год семь раз и каждый раз по 8 детенышей, то потомство одной пары за 4 года может достигнуть громадной цифры (1 274 840 штук)... Однако исследования показали, смертность молодняка в первые недели может достигать 40 % и более» [3, с. 3947]; *нем как рыба* [10, с. 148; 9, с. 374] — *stumm wie ein Fisch* [17] в значении ‘молчать, не говорить ни слова’; «необходимое следствие жаберного дыхания то, что ни одна рыба не может производить звука. Правда, многие виды издают тоны, правильнее шумы, а именно трещанье или ворчанье. Но как ворчанье, так и трещанье, во всяком случае, нельзя сравнить со звуком голоса, высших позвоночных животных...» [3, с. 8435].

Г. Н. Складарская объясняет сущность зоосемизмов наличием в семантической структуре слова, кроме денотативного, эмпирического компонента значения, понимаемого как «обобщённый чувственно-наглядный образ предмета номинации», который позволяет носителю языка «пользоваться чисто внешними признаками, не прибегая к логическому осмыслению предмета, выявлению его сущности» [12, с. 73—74]. В соответствии с мировоззренческим принципом антропоморфизма животные, не обладающие природой человека, наделяются человеческими качествами, физическими и психическими, им приписывается способность чувствовать, испытывать переживания и эмоции, разговаривать, думать, совершать осмысленные человеческие действия.

Исследованный материал показывает, что общность устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами в русском и немецком языках проявляется также и там, где характерна усложнённость и опосредованность ассоциативных признаков. Например: *хитрый как лиса* [7, с. 55; 9, с. 220] — *schlau wie ein Fuchs* [19, с. 481; 1, с. 192; 2, с. 338] в значении ‘очень хитрый’; *трусливый как заяц* [9, с. 134; 7, с. 58] — *furchtsam wie ein Hase* [18], то есть ‘очень трусливый’; *голодный как волк* [9, с. 68; 7, с. 40] — *hungrig wie ein Wolf* [18; 2, с. 970; 17; 1, с. 628] ‘очень голодный’; *неуклюжий как медведь* [9, с. 242; 7, с. 43] — *plump wie ein Bär* [1, с. 64; 2, с. 129; 17] ‘очень неуклюжий’; *упрямый как козёл* [9, с. 174; 7, с. 55] — *stumm wie ein Bock* ‘очень упрямый’ [18; 19, с. 226; 1, с. 96; 2, с. 179] и др.

По мнению В. И. Зимина, эти значения «не стоит рассматривать как переосмысления исходных, прямых значений слов на основе какого-либо признака, объединяющего исходное и переносное значения слова: признаки ‘грязный’ у слова *свинья* и ‘хитрый’ у слова *лиса* «напрямую» не выводятся из исходных значений слов» [5, с. 103]. В. Н. Телия называет ассоциации такого рода «адгерентными», переключаящими ассоциативные связи в иноприродную сферу. «Стремление одухотворить вещное и овеществовать психическое, вдохнуть жизнь в предметы и наградить предметными свойствами абстрактные сущности лежит в основе языкового мифотворчества, моделирующего непредметную действительность как наглядно и чувственно воспринимаемый мир.... Адгерентные ассоциации, устанавливая связи на основе подобия, служат делу создания признаковой лексики невидимых миров. Значения, возникшие на основе таких ассоциаций, нуждаются в реальной опоре, в прослеживании реальности через инобытие» [15, с. 231].

Остановимся подробнее на рассмотрении устойчивого сравнительного оборота *хитрый как лиса* [7, с. 55; 9, с. 220] — *schlau wie ein Fuchs* [19, с. 481; 1, с. 192; 2, с. 338]

в значенні 'очень хитрий'. В Лінгвокультурологічному словарі читаємо: «Лиса відноситься к числу типових російських міфологічних образів, виступає як стереотипний образ, може використовуватися для характеристики людини. В російських казках і авторських баснях Лиса представляється хитрою, коварною і льстивою, постійно обманювальною як тих, хто сильніше її («Лиса і вовк»), так і тих, хто слабше (казки «Заячья избушка», «Колобок», басня І. А. Кривоноса «Ворона і лисиця»). В власне російському фольклорі Лис (муж. рід) не зустрічається, лиса завжди жіночого статі, у неї може бути ім'я (відчуження) — Патрикеевна. Однак під впливом європейської культурної традиції у російських склалося уявлення про лису, який може мати не тільки хитростю, але і мудрістю» [10, с. 114]. В німецькій культурі лиса виступає популярним персонажем в поезії (казки, басні, епос), під її маскою ховається язвительна критика закоренелих соціальних і моральних порядків, починаючи з Середньовіччя і до наших днів. В казках лиса виконує роль умного радника, іноді навіть готовий допомогти (наприклад, в казках Братів Гримм). Однак зазвичай зустрічається в протилежному образі, як символ хитрості і лукавства, як, наприклад, в баснях Езопа, послуживши в подальшому основою для виникнення фразеологізмів: *dem Fuchs sind die Trauben zu sauer / Er macht das wie der Fuchs mit den Trauben* [лиса виноград надто солодкий / він це робить як лиса з виноградом], тобто 'er verschleiert eine Niederlage' [18; 19, с. 482] [він ховає поразку]. Ср. в російському *смотреть как лиса на виноград* [7, с. 33] в значенні 'смотреть ограниченно, не имея возможности при этом что-л. сделать'. Или *Fuchs und Kranich laden einander zu Gast* [лиса і журавль запрошують один одного в гості] 'sie betrügen einander wechselseitig' [18] [вони обманюють один одного взаємно].

Образ *лисицы*, зустрічаючись в народних казаннях і поезії, відрізняється від дійсності. По спостереженням охотників, у цього тваринного немає в такій сильній ступені розвинутих розумових, хитрості і витівки, які їй приписує народна мова; у лисиці навіть не помічається особливо хорошого розвитку зовнішніх почуттів. Пробудившись в лисиці невдоволеною кровожадністю або сильним голодом здатні ці, в загальному обережливі, тваринні зробити і глухим, і сліпим, не помічаючим небезпечності йому небезпечності [3, с. 1160]. Справедливо помітити, однак, що в свої «кращі часи» лиса все-таки здатна на лукавство. В записках охотників згадуються різні види хитрості в поведінці тваринного. Коли лиса, бажаючи прогретися на сонці, лягає, розтягнувшись на лузі, к ній літають цілі стаї ворон, які сунуться і лізуть к самій голові мертвого, по їх думці, тваринного. Нездвигливо лежача лиса підпускає їх на найближче відстань, потім раптово сміливим стрибком кидається на птахів, і одна з них неодмінно робиться жертвою ловкої притворщиці [3, с. 1163]. Не менш помітна охота лисиці на їжака. Як відомо, їжак при наступаючій небезпечності згортається в клубок і залишається в цьому положенні, що б з ним ні робили. Заставити розпрямитися їжака може тільки вода або дим. Хитра лиса скатює їжака в воду або обдає своєю мочою, в результаті чого тваринне розкривається і піддається нападінню [3, с. 1164].

Вісімнадцятим справедливим вважається зауваження Е. А. Селиванової про «подвійну аналогізацію» таких одиниць: спочатку людські якості приписувалися тваринним (*собаке* — вірність, *зайцу* — трусость і т. д.), а внаслідок цього ці «фіксовані ознаки, можливо, підкріплені фольклором як символи, закріпилися за певним видом тварин, знаки яких використовувалися вже для позначення людини на основі наведених стереотипів» [11, с. 147].

Компромиссним рішенням в даному питанні виступає розгляд поняття «вторинний» ознака у Е. А. Гутман і М. І. Черемисин. Річ йде про ознаку, виражену «стійкою характеристикою», який накладається на основне номінаційне значення, додається к тем семантичним ознакам, які відрізняють значення даного слова як імені певного виду тваринних від назв інших тваринних. Інакше кажучи, він не є дифференціальним ознакою цієї лексики як елемента лексико-семантичного поля «тваринні». «Однак якщо дана характеристика регулярно використовується носителями мови, цей додатковий ознака виявляється в їх свідомості надійно пов'язаним з уявленням про дану тваринну і регулярно впливає в свідомості при промові (сприйнятті) цього слова. Поетому, коли слово використовується в порівнянні, його значення, строго номінаційне в своїй основі, включає в себе і відповідний «вторинний» ознака» [4, с. 255].

Фактичний матеріал показує, що повне сходство компаративних оборотів з зоосеміями в російській і німецькій мовах зустрічається і в тих випадках, коли спостерігається ускладнення семантичної структури стійких порівнянь міфологічним, релігійним і символічним переосмисленням, внаслідок чого вони набувають додатковими коннотаціями. Наприклад, *УС мудрий как змей* [10, с. 82; 7, с. 51] — *klug wie eine Schlange* [18; 17; 2, с. 736] характеризує людину, відрізняючись розумом і володінням особливими знаннями», походить к біблійським текстам: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби», Лук. X: 16; *кроткий как голубь* [9, с. 85; 7, с. 58] — *sanft wie eine Taube* [18; 17], тобто 'очень кроткий'

связано с библейским восприятием голубя как символа искренности и невинности, являющегося также зримым символом Святого Духа и символом свободы. В библейской легенде именно голубка приносит Ною счастливую весть о том, что Бог сменил гнев на милость и что потоп закончился.

Все вышеприведённые примеры в очередной раз доказывают, что изучение понятийного содержания слова не может ограничиваться только односторонней логической трактовкой языковых форм. «Из такого рассмотрения совершенно выпадают художественное мышление, использующее слово для образного воспроизведения действительности, а также обыденное мышление, в котором деловая информация и прагматическое использование языка играют большую роль, чем отвлечённое рассуждение» [6, с. 15].

Частичное сходство в видении мира русским и немецким этносами обнаруживается и на более глубинном уровне семантики при неполном совпадении плана выражения сравнительной конструкции. Речь идёт об устойчивых сравнительных оборотах с зоосемизмами, сходных по своему смысловому содержанию, но различающихся в выборе образов, которые впоследствии становятся эталонами измерения определённых качеств и оценок человеческого поведения в исследуемых языках, заключая в себе культурную коннотацию. Например, качество «похотливость» в русскоязычной культуре традиционно связывается с образом *кобель*; ср.: *похотливый как кобель* [9, с. 172; 7, с. 41], а в немецкоязычной — с образом *козёл*, например *geil wie ein Bock* [19, с. 226; 1, с. 96; 17]. С точки зрения зоологии, похотливыми являются оба животных, *кобель*, который проявляет безрассудную настойчивость по отношению к противоположному полу в период течки, и *козёл*, способный во всякое время к оплодотворению сотен коз [3, с. 3297]. Следует отметить, что в русском языке слово *козёл* употребляется как порицающее или бранное слово для характеристики человека, чаще мужчины [17]. А в разговорной речи широко используется выражение *похотливый козёл*.

Интересен вопрос о причинах и источниках культурной мотивации эталона сравнения в русском и немецком языках, ответить на который с полной определённой оказывается затруднительно по причине большой разнородности факторов (как объективных, так и субъективных), лежащих в основе мотивации.

Роль **объективного исторического фактора** говорит в пользу выбора зоообраза *кобель* в русском языке, так как именно в старой России имели необыкновенную популярность псовые охоты, значимость которых была велика и с политической точки зрения. В это время появляются огромные псарни, общее количество собак в которых измеряется тысячами. Выбор немцами зоообраза *козёл* может быть обусловлен географическим фактором. В ландшафте Германии много гор: Средневысотный горный порог, Югозападно-Германское среднегорье складчатого фундамента, Южно-Германское предальпийское плоскогорье, Баварские Альпы. Такая природа способствует разведению коз, неприхотливых к еде и физически приспособленных для гор.

Выбор животного в качестве эталона может быть обусловлен таким **субъективным фактором** как **произвольность**. Многовековой опыт наблюдения за животными, непрерывное общение с ними не могло пройти бесследно для людей. Поиск человеком в другом человеке черт, сходных с чертами окружающих его живых существ, часто осуществлялся на уровне интуиции и произвольности. Например, в равной степени такие стройные животные, как *лань*, *косуля* и *газель*, избирательно выступают эталонами «стройности» в русской и немецкой культурах: *стройная как лань* [17] в русском языке и *schlank wie eine Gazelle / wie eine Reh* [стройная как газель / косуля] [17; 18] в немецком. Отметим, что в русском языке есть переносное наименование слова *газель*, означающее «стройную, грациозную девушку» [17].

В. Н. Телия отмечает, что «оперирование с образными сущностями не может не привести в метафоризацию субъективности их восприятия, не внести в новое значение следов того вспомогательного образа, который ассоциируется с «буквальным» значением» переосмысливаемого слова или сочетания» [13, с. 181].

И, наконец, языковые и культурные стереотипы, возникшие на основе наименований животных, были сформированы, очевидно, под влиянием **мифологического фактора**, который указывает на мифологическую подоплёку того или иного устойчивого сочетания: «анимализм всегда остаётся тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культурные стереотипы, поэтические образы и т. п.» [8, с. 122—123].

Таким образом, проведённый сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов с зоосемизмами в русском и немецком языках показывает, что большая часть полных структурно-семантических эквивалентов приходится на устойчивые сравнительные обороты. Исследование фактического материала показывает, что сходство русско-немецких компаративов с зоосемизмами обусловлено, в первую очередь, одинаковыми онтологическими знаниями о жизни животных. Огромную роль в получении таких знаний сыграла любовь русских и немцев к охоте. В процессе знакомства человека с животным, изучения его полезности как для людей, так и для природы, выделялся наиболее типичный признак данного животного, который объективно или в силу установившейся языковой традиции оказывался преобладающим. Большин-

ство устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами обладает прозрачностью структуры и образного содержания в сравнении с фразеологизмами, созданными на основе метафорического переноса. Устойчивые сравнительные конструкции конкретизируют отдельные качества животного, которые в своей совокупности могут участвовать в создании метафорического образа, «насыщенного» данными смыслами. Следующим этапом нашего исследования как раз и станет изучение механизмов создания метафорических образов животных в русских и немецких фразеологизмах.

1. *Бинович Л. Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. — 2-е изд., испр. и доп. / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. — М., 1975.
2. *Большой немецко-русский словарь.* — 7-е изд. — М., 2000. — 1040 с.
3. Брем Альфред. Жизнь животных. — М.: Изд-во «Директмедиа Паблшинг», 2004.
4. *Гутман Е. А.* Названия животных в составе сравнений (на материале русского и французского языков) / Е. А. Гутман, М. И. Черемисина // Вопросы языка и литературы. — Новосибирск, 1970. — Вып. IV. — Ч. 1. — С. 253—266.
5. *Зимин В. И.* О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений / В. И. Зимин, Пак Сон Гу // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Языки слав. культуры, 2004. — С. 102—113.
6. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. — М.-Л.: Наука, 1965. — 112 с.
7. *Козлова Т. В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. — М., 2001.
8. *Маслова В. А.* Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В. А. Маслова. — М., 1997. — 495 с.
9. *Мокиенко В. М.* Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. — М., 2003. — 608 с.
10. *Русское культурное пространство:* Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / Под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. О. Гудкова. — М., 2004.
11. *Селіванова О.* Нариси з української фразеології (психогнітивний та етнокультурний аспекти): Монографія / О. Селіванова. — К.-Черкаси, 2004. — 276 с.
12. *Склярєвська Г. Н.* Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). Ч. I, разд. 1: Языковая метафора как категория лексикологии / Г. Н. Склярєвська. — М., 1988.
13. *Телия В. Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988. — С. 173—203.
14. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.
15. *Телия В. Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
16. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: «Альта-Принт», 2007. — VIII. — 1239 с.
17. *АВВУУ Lingvo x3:* многоязычный электронный словарь — 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
18. *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache Idiomatik. — 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
19. *Röhrich Lutz.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: in 4 Bänden. — Bd. 1. — Herder — Freiburg — Basel — Wien, 1991.

Г. М. Ланіна

СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ УСТАЛЕНИХ ПОРІВНЯЛЬНИХ ЗВОРОТІВ ІЗ ЗООСЕМІЗМАМИ В РОСІЙСЬКІЙ І НІМЕЦЬКІЙ МОВАХ

У статті описано результати семантичного аналізу усталених порівняльних зворотів з зоосемізмами, які характеризують людину, в російській і німецькій мовах. Визначено спільні ознаки та національну своєрідність порівнюваних одиниць, досліджено джерела культурної мотивації еталонів порівняння.

Ключові слова: семантичний аналіз, фразеологізм, усталений порівняльний зворот, зоосемізм, національно-культурна специфіка.

A. N. Lanina

SEMANTIC ANALYSIS OF SIMILES WITH ZOOSEMIZMES IN RUSSIAN AND GERMAN

The article deals with the semantic analysis of similes with zoosemizm of a person on the basis of the Russian and the German languages. The general and national peculiarity and sources of cultural motivation are analyzed.

Key words: semantic analysis, phraseological unit, simile, zoosemizm, the national-culture specificity.